

Андрей **ГАНИН**,
кандидат исторических наук

ПОСЛЕДНИЙ ГЕНШТАБИСТ

К 90-летию советско-польской войны

Иследуя судьбы выпускников Николаевской военной академии, я долгое время не знал о том, кто же из «академиков» пережил всех остальных. Относительно офицеров довоенных выпусков определённая ясность существовала: последним из них, судя по всему, ушёл из жизни 30 октября 1979 года кубанский атаман генерал-лейтенант В. Г. Науменко. Последним же из выпускников ускоренных курсов академии периода Первой мировой и Гражданской войны я считал капитана-колчаковца Г. С. Думбадзе, умершего в эмиграции 24 января 1989 года¹.

Однако неожиданно обнаружили новые интереснейшие данные. Сейчас есть все основания считать таковым офицера польского происхождения Ромуальда Иосифовича Воликовского (Валиковского). Ещё более удивительно то, что он, по всей видимости, оказался не только последним выпускником Николаевской военной академии, но и последним живым кавалером высшей военной награды дореволюционной России — ордена св. Георгия. Воликовский скончался 14 февраля 1992 года в Канаде на 101-м году жизни. Конечно, никакой личной заслуги в том, что он пережил всех остальных своих однокашников, нет, но, думается, читателям будет интересно узнать о судьбе последнего генштабиста и последнего георгиевского кавалера русской армии подробнее.

Ромуальд Воликовский родился 9 (21) декабря 1891 года в местечке Романов на Волыни в семье потомственного дворянина Волынской губернии². Ромуальд с детства готовился к военной карьере. Он окончил Ярославский кадетский корпус, а в сентябре 1910 года поступил в Алексеевское военное училище на правах вольноопределяющегося первого разряда юнкером рядового звания. Учёба складывалась благополучно. 21 октября 1911 года наш герой был произведён в унтер-офицеры. Училище он успешно окончил по первому разряду в августе 1912 года, был произведён в подпоручики и выпущен в 71-й пехотный Белёвский полк³. С этим полком оказалась связана почти вся его дальнейшая служба в русской армии.

Отгуляв положенный после окончания учёбы месячный отпуск, Воликовский 10 сентября 1912 года прибыл в полк и был назна-

чен младшим офицером в 4-ю роту, причём с первых же дней ему пришлось подменять её командира, что объективно налагало на молодого офицера большую ответственность. Воликовский временно командовал ротой с 22 сентября по 8 октября и с 8 ноября по 4 декабря. 13 марта 1913-го молодой офицер получил свою первую награду — медаль в память 300-летия царствования дома Романовых, а через два дня был назначен в учебную команду полка. 14 сентября его направили в Варшаву в военный гимнастико-фехтовальный зал для обучения фехтованию и гимнастике, 25 февраля 1914 года он получил назначение младшим офицером учебной команды, а 3 мая вернулся в полк, окончив курс школы «удовлетворительно». Как и многие младшие офицеры, начало Первой мировой Воликовский встретил, не имея ни семьи, ни имущества.

Мундир офицера Генерального штаба. Альбом мундиров 1-го польского корпуса. Варшава, 1919 г.

Война для Ромуальда началась в Брест-Литовске, куда он был командирован 18 июля 1914-го как временно исполняющий обязанности смотрителя подвижных госпиталей, сформированных в крепости Брест-Литовск. Командировка продолжалась до 28 июля. К 4 августа он в чине подпоручика продолжал службу в должности младшего офицера в первом батальоне.

Молодой субалтерн отличился уже в первые месяцы боёв. Его ратный труд был отмечен командующим 9-й армией. 5 ноября 1914 года Высочайшим приказом за бой 4 августа у Красника Воликовский был награждён аннинским оружием — орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 9 ноября «за боевые отличия, оказанные в делах с неприятелем» (за бои 10–19 августа⁴) получил орден св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Однако особенно отличился наш герой 19 октября первого военного года. Своё участие в бою Воликовский описал настолько скромно, что его даже заставили подготовить вторую редакцию описания подвига. В первом варианте текста он отметил: «19 октября 1914 года мы были в районе Опатова около деревни Меченицы. Я командовал третьей ротой первого батальона и находился в резерве. Около 1-го часу дня нам приказано было идти на помощь нашим частям, обойдёмным австрийцами. Наша дорога лежала по глубокому оврагу, рядом с которым высилась небольшая гора, где шёл бой. В это время австрийцы наступали. Командир батальона подполковник Доценко, ориентируясь по выстрелам, подвёл нас к тому месту, где нам пришлось развернуться. Третья и вторая роты развернулись в боевой порядок и начали подниматься ползком вверх на гору. Ввиду того, что подъём был очень крутой, неприятель нашего наступления не мог видеть. Когда мы приблизились к ним (австрийцам. — А. Г.) шагов на 200 и перевалили перегиб горы, австрийцы заметили нас и открыли по нас (так в тексте. — А. Г.) пулемётный огонь из четырёх пулемётов. Из моей роты в течение каких-либо 3-х минут выбыло убитыми 37 человек. Подполковник Доценко, видя наше положение дел, решил поднять ползущий батальон и двинуть его в атаку. С громким криком «ура» мы бросились на австрийцев. Их пулемёты, за одним из ко-

торых сидел офицер, работали до последней минуты. Во время атаки они уже не наносили нам того ущерба, который причинял [и] во время нашего подхода туда. Не доходя 10 шагов до противника, я заметил, что австрийцы густой массой бросились из окопов и двинулись прямо на нас. Принимая это движение за контратаку, мы ещё стремительнее двинулись вперёд. Но оказалось, что наши предположения оказались несоответствующими истине: австрийцы вышли из своих окопов для того, чтобы сдаться нам в плен. Офицер-пулемётчик стрелял уже и по своим, чтобы принудить их занять прежние места; он стрелял вплоть до того момента, когда его один из наших не хватил ружейным прикладом по голове. Таким образом, все пулеметы, 150 человек австрийцев попали в руки моей роты.

За это дело я получил орден св. Георгия 4-й степени»⁵.

Из этого описания непонятно, за что именно был награждён Воликовский. Второй вариант текста не менее интересен: «Это было 19 октября 1914 года в районе г. Опатова около деревни Меченицы. Памятный для меня этот день с утра был очень тяжёлым. Всю ночь, пройдя походом, полк наш только к 9 часам утра остановился на биваке. Закусив куском сухого мяса, я, усталый до крайности, растянулся на соломе, посланной в грязной деревенской хате на полу и такое своё положение считал высшим блаженством. Но блаженству этому скоро настал конец. Около 1 часа дня пришло приказание нашему 1-му батальону двинуться на помощь частям конной дивизии, на которую сильно напали австрийцы. Сборы были недолгие, через 10 минут батальон уже шёл по глубокому оврагу, по которому скрытно мы и подошли (зачёркнуто «доползли». — А. Г.) до самой позиции.

Перед нами возвышалась гора с перегибами, что не давало возможности противнику нас заметить. Таким образом, мы дошли до места, откуда ясно слышен был пулемётный огонь противника. В этом месте, как оказалось, противник обошёл фланг и ещё минута, две, вышел бы в тыл расположенным на вершине нашим частям. Командир батальона подполковник Доценко, ориентируясь по выстрелам, остановил здесь батальон и приказал 3-й роте, которой я командовал и 2-й — принять боевой порядок и двигаться вверх на гору с целью помешать австрийцам выполнить свой план обхода наших войск. Я развернул роту и повёл её. До изгиба горы мы подвигались спокойно, так как подъём был чрезвычайно крут, вследствие чего наше наступление не было видно, но лишь только вылезли на перегиб, как противник увидел нас. Расстояние между австрийцами и нами было небольшое — всего лишь 250 шагов.

Австрийцы моментально повернули на

нас свои пулемёты и положительно засыпали нас градом пуль. Люди залегли и стали окапываться, кто спешно копал себе ямку, чтобы прикрыть хотя [бы] голову, кто закрывался лопаткой, не имевшие же лопатки скребли и рвали землю просто руками. Но вылежать совершенно открытым под такой массой свинца было невозможно; в продолжение 2-х, 3-х минут из роты в 150 человек выбыло одними

Командование Войска Польского в Восточной России и в Сибири и 5-й польской стрелковой дивизии. Сидят (слева направо): подполковник Р. Воликовский, полковник В. Чума, полковник К. Румша, майор Я. Окулич. Стоят (слева направо): подполковники Л. Лихтарович и Я. Скоробогатый-Якубовский и майор Б. Хлусевич. 1919 г.

убитыми 37 человек. Оставалось одно, или отступить за перегиб, или рисковать. Командир батальона выбрал последнее.

Могучий крик «ура» огласил воздух и мы бросились вперёд. Каждый бежал, что было мочи, чтобы скорее добежать и быть вне огня убийственных пулемётов, которые работали, не переставая. Когда мы были в шагах 15-ти от австрийцев, некоторые из них бросились бежать, другие же густой массой устремились на нас. Был момент, когда я думал, что всё пропало, их было больше и они были кучнее. Но какова же была моя радость, когда я увидел, что у них руки поднялись вверх и они сдаются. Добежать до пулемётов было дело [м] нескольких мгновений. Солдат моей роты на моих глазах прикладом по голове убил пулемётчика, который оказался офицером и сел за пулемёт, вероятно, чтобы до последней минуты отражать наш натиск, его последние выстрелы были направлены по своим для запугивания сдающихся. Таким образом, позиция противника, два пулемёта и около 150 человек пленных остались в моих руках»⁶. Обратим внимание на нестыковки описаний. Если в первом описании Воликовский отмечал наличие у противника четырёх пулемётов, которые были захвачены, то во втором рассказе речь идёт уже только о двух.

Впоследствии за этот бой командующим 9-й армией 31 июля 1915 года «за то, что в бою 19 октября 1914 г. у д. Менченица (так в документе. — А. Г.), при атаке позиции австрийцев, взял два действовавших

до последнего момента пулемёта, причём прислуга пулемётов была вся переколота штыками» (ст. 8, п. 11, орденового статута), Воликовский был награждён орденом св. Георгия 4-й ст.⁷, награждение утверждено Высочайшим приказом от 30 декабря 1915 года. Сложно судить о том, насколько заслуженной была эта высокая награда. Фактически индивидуального подвига, в отличие

от многих других георгиевских кавалеров, Воликовский не совершал, но был награждён за мужество своих солдат.

И в дальнейшем он добросовестно исполнял свой офицерский долг, не кланяясь пулям и снарядам. Судьба хранила его. Ромуальд был контужен артиллерийским снарядом в бою 10 ноября 1914-го при посадке Пилица. Врачи отмечали припухлость, боль и красноту кожи в области левой ключицы, затруднённое движение в левом плечевом суставе. Бои тех дней носили крайне ожесточённый характер. Позднее, при переправе через реку Пилицу у посада Иновлодзь 10 декабря, Воликовский получил сквозные пулевые раны фаланги указательного и среднего пальцев левой руки. Оба раза он остался в строю.

В конце 1914 года на фоне убыли офицерского состава командование оценило профессиональные качества Воликовского, и он уже получил под своё начало 3-ю роту. С 10 апреля 1915 года он был утверждён в должности командующего 3-й ротой, а с 19 апреля — 4-й ротой своего полка, причём уже на следующий день награждён орденом св. Станислава 2-й степени с мечами. 13 мая новая награда — орден св. Анны 2-й степени с мечами, а 5 июля — орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом от командующего 4-й армией (награждение Высочайше утверждено лишь через год — 27 августа 1916 года). Поток наград, который обрушился на молодого офицера, наглядно свидетельствует о доблести Воли-

ковского и о высокой оценке командованием заслуг офицеров русской армии безотнositельно их вероисповедания.

19–22 июня полк вёл бои под посадом Тарногуры. 20 июня Воликовский вновь был ранен в районе деревни Красное. На этот раз пуля прошла через правую половину груди, задев лёгкое, к тому же офицер получил контузию правой половины головы.

Георгиевский кавалер Воликовский не

Обучение прошло успешно: по итогам подготовительного класса Воликовский был 101-м из 237 выпускников, набрав 10,27 балла¹⁰. 29 января 1917 года, по окончании обучения, он был назначен на младшую должность офицера Генерального штаба — и. д. обер-офицера для поручений при штабе XIV армейского корпуса, а 6 февраля вернулся на фронт.

В июне 1917-го, когда в русской армии

Командир Польского стрелкового корпуса Генштаба генерал-лейтенант Довбор-Мусницкий телеграфировал 4 октября 1917 года в Ставку, начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «...Ходатайствую о командировании на старший класс академии сверх указанных выше офицеров польс[кого] корпуса обер-офицера для поручений шта[ба] кор[пуса] Польского ш[табс-]капитана Воликовского, георгиевского кавалера, удовлетворяющего всем условиям, окончившего вместе с[о] ш[табс-]капитаном Вецким¹⁶ подготовительные курсы первой очереди и даже старше его по баллам...»¹⁷ Ходатайство 8 октября было поддержано генерал-квартирмейстером Генштаба генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом¹⁸, а начальник академии полковник А. И. Андогский в тот же день телеграфировал Довбор-Мусницкому, что с его стороны препятствий не встречается¹⁹. Воликовский поступил и окончил старший класс 2-й очереди академии. Таких, как он, на этом курсе было всего пятеро, поскольку большинство окончивших младший класс 1-й очереди затем поступило в старший класс своей же очереди, а Воликовский, видимо, сделать этого не смог или не захотел.

Как бы то ни было, до мая 1918 года наш герой в чине капитана служил в штабе I Польского корпуса в России. Весной 1918-го он оказался на короткое время в рядах зарождавшейся Красной армии, в штабе военного руководителя Петроградского района завесы²⁰. На 7 апреля Воликовский, С. И. Вецкий, Е. М. Голицын и Я. В. Окулич-Казарин перешли из штаба Петроградского в штаб Московского военсовета. Затем летом 1918-го в числе трёх польских офицеров (также майора В. Чумы и поручика Э. Доян-Мишевского) он был направлен польским мобилизационным отделом в Москве в Сибирь (по другим данным, командиром II Польского корпуса генералом Ю. Галлером²¹), чтобы возглавить там военно-административную работу среди польских военнослужащих и формирование 5-й польской стрелковой дивизии в целях предстоявшего восстановления Восточного фронта против большевиков²².

Польские офицеры к 1 августа добрались до Уфы. Как оказалось, созданный в Челябинске 15 июля Польский военный комитет уже вёл в Заволжье работу по формированию польских воинских частей по договору с Чехословацким национальным советом. Польские отряды создавались при Чехословацком корпусе. Капитан Воликовский принимал участие в собрании членов исполнительного отдела Польского военного комитета в России 4 августа 1918 года в Челябинске. На этом заседании были признаны полномочия майора Чумы и принято постановление о передаче ему командования над польскими войсками на востоке России и в Сибири²³.

Воликовский дослужился до начальника

Командующий 5-й польской армией генерал В. Сикорский с офицерами своего штаба у карты в крепости Модлин. Вокруг стола поручики К. Рудницкий и Э. Уланицкий, майор С. Ростворовский и подполковник Р. Воликовский. 13 августа 1920 г.

мог не выделяться среди офицеров полка, и дальнейшая его карьера представляется не случайной. 13 октября его прикомандировали к офицерской стрелковой школе для надобностей формируемых броневых частей. С 9 ноября он вновь командовал 3-й ротой своего полка, а с 11 декабря служил ещё и полковым адъютантом. Не заставило себя ждать и производство в следующий чин: 18 декабря Воликовский произведён в поручики со старшинством с 6 августа.

Приказом Главнокомандующего армиями Западного фронта от 17 марта 1916 года за отличия в делах против неприятеля наш герой был награждён орденом св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (награждение Высочайше утверждено 29 января 1917 года), а 19 августа 1916 года произведён в штабс-капитаны со старшинством с 9 мая. В послужном списке не упомянуты, но в наградных документах Воликовского имеются указания на наличие у него также и Высочайшего благоволения⁸.

23 октября Воликовский сдал должность полкового адъютанта, поскольку его как одного из лучших кадровых офицеров полка командование XIV корпуса сочло достойным направления на открывшиеся в конце 1916 года ускоренные курсы 1-й очереди Николаевской военной академии⁹. В академию он отправился 25 октября. Нехватка кадров Генерального штаба привела к тому, что соответствующих специалистов начали готовить в ускоренном режиме, отбирая наиболее способных среди уцелевших кадровых офицеров.

активно шёл процесс создания национальных частей, Воликовский изъявил желание служить в польских воинских формированиях¹¹. Так он оказался в штабе Польского стрелкового корпуса. Ромуальд, однако, не удовлетворился окончанием младшего курса академии и решил продолжить учёбу, чтобы приобрести не только знания, но и новый служебный статус, который получали выпускники академии, причислявшиеся к Генштабу. Ситуация упрощалась тем, что для польских офицеров были выделены специальные квоты. К примеру, начальник Генерального штаба генерал-майор Г. Д. Романовский общал начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «...независимо от указанных требований, на подготовительные курсы 3 очереди надлежит командировать 10 офицеров-поляков для подготовки офицеров для штабов польских войск, из них 5 по выбору генерала Довбор-Мусницкого¹² и 5 по выбору генерала Осинского¹³, среди последних желательно назначить полковника Ясенского¹⁴, ныне состоящего при Ставке»¹⁵. К 25 сентября кандидаты должны были прибыть в академию. По всей видимости, аналогичные квоты выделялись осенью 1917 года и для старшего класса 2-й очереди, куда попал Воликовский.

штаба польских войск в Восточной России и начальника штаба 5-й польской дивизии. Фактически должности в командовании польских войск и в штабе дивизии совмещались. Формирование польских войск велось в Бугуруслане и Новониколаевске. Всем необходимым формировавшиеся части обеспечивались чехословаками, позднее финансирование польского военного строительства на Востоке России и обеспечение поляков вооружением и военной техникой взяла на себя французская военная миссия во главе с генералом Морисом Жаненом.

Именно Воликовский подготовил 19 января 1919 года рапорт командующему польскими войсками во Франции генералу Галлеру о состоянии польских войск в Сибири²⁴. Он, в частности, писал, что отсутствие связи с Польшей было серьёзной проблемой, поскольку попросту не было известно, что происходило на родине²⁵. Общую численность польских войск в Сибири он оценил в 8000 человек, что было близко к действительности²⁶. В основном, польские части формировались из бывших австрийских военнопленных польского происхождения.

В своём рапорте Воликовский отмечал, что польские офицеры на Востоке России столкнулись с кадровыми проблемами: «Не имея никаких указаний по вопросу о повышении в чинах, командование вынуждено было повысить звания большому числу офицеров. Это было сделано по двум причинам: 1-е, у нас совершенно нет офицеров высших званий и слишком разительной была бы разница между званием и занимаемой должностью; 2-е, это необходимо для сношений с русскими, которые привыкли уважать чины, только высокие звания могут им импонировать. Кроме того, повышение офицеров очень запаздывает, в конце концов начальство вынуждено было использовать это средство как необходимый стимул для работы и как вознаграждение»²⁷.

В мае 1919 года полковник Чума направил подполковника Воликовского, произведённого в этот чин перед отъездом 30 апреля 1919 года, с военно-политической миссией в Польшу, чтобы установить контакты с правительством²⁸. Воликовский добрался из Сибири через Америку в Европу до штаба генерала Галлера²⁹. Эту поездку офицер оплатил из собственных средств. В армии генерала Галлера Воликовский устроился на службу референтом командования и вернулся на ставшую независимой родину. Знания и опыт Воликовского оказались востребованы. С 25 ноября 1919 года по 3 августа 1920 года Воликовский был начальником штаба 9-й пехотной дивизии и Полесской группы.

В период советско-польской войны, вплоть до сентября 1920 года, в звании подполковника Воликовский служил начальником штаба 5-й польской армии (22 010 штыков, 3826 сабель³⁰) под командованием гене-

рала Владислава Сикорского, впоследствии премьер-министра польского эмигрантского правительства. Это знакомство сыграло свою роль в последующей карьере Воликовского. В ходе варшавской битвы армия Сикорского успешно противостояла значительно превосходившим её силам РККА (по польским данным, 68 000 штыков и 6672 сабли), в том числе коннице Г. Д. Гая. Положение поляков облегчалось тем, что силы Красной армии были разбросаны на огромной территории

Тем не менее полякам, несмотря на ожесточённое сопротивление частей Красной армии и потери, удалось добиться успеха. Вскоре была ликвидирована угроза Варшаве со стороны РККА, а затем произошёл перелом и во всей войне.

В 1921-м подполковник Воликовский получил новое назначение, став первым польским военным атташе в Москве, где пробыл до 1923 года³³. Он хорошо знал Россию и, видимо, в этой должности оказался на своём

**Съезд выпускников 1923–1924 года
Высшей военной школы в Варшаве.**
Рембертов, 17 ноября 1934 г.

и можно было бороться с ними поочерёдно, пользуясь внутренними операционными направлениями (весной 1919 года эту тактику, как ни парадоксально, активно применял сам Гай в районе Оренбурга). Штаб 5-й армии находился в крепости Модлин к северу от Варшавы. Именно ей выпала честь, как писал в своём приказе Сикорский, «первой нанести удар и начать решающий этап советско-польской войны»³¹. И действительно, на рассвете 14 августа 1920 года польские войска на этом участке фронта перешли в контрнаступление. Боевая обстановка была сложной и переменчивой. На следующий день после начала наступления Воликовский доносил о больших потерях в командном составе армии: за день были убиты три командира батальонов, шесть командиров рот, получил ранение командир одной из бригад³². Левый фланг армии находился под постоянной угрозой обхода со стороны 4-й советской армии. Небезынтересно, что начальником штаба последней в августе 1920-го был бывший слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Г. С. Горчаков, как и Воликовский, обучавшийся там в 1917 году. Во главе армии стоял старый генштабист, бывший подполковник А. Д. Шуваев, сын царского военного министра Д. С. Шуваева.

Занимался, само собой, в том числе и сбором разведанных³⁴. В 1923–1924 годах Воликовский продолжил своё образование, окончив курс Высшей военной школы в Варшаве. С 1 января 1925 года Воликовский — уже дипломированный (Генерального штаба) полковник пехоты со старшинством с 1 июля 1925 года. В это время (1924–1926 годы) он служил начальником отдела призыва в 1-м департаменте пехоты военного министерства. В августе 1926 — марте 1930 года он занимал пост командира 59-го пехотного полка, а в марте 1930–1937 году возглавлял дивизионную пехоту 4-й польской дивизии в Торунь. В 1937 — сентябре 1939 года Воликовский служил помощником командующего VII корпусного округа (Познань).

По служебной аттестации Воликовский считался хорошим офицером, хотя и не обладавшим большим опытом строевой службы, малоинициативным, иногда чересчур любящим удобства и любящим откладывать работу на потом. В то же время решения он мог принимать свободно, но медленно и не обладал темпераментом. Был хорошим администратором, организатором и практиком, но нуждался в контроле и даже нажиме³⁵. При этом нельзя исключать, что подобная аттестация была обусловлена нежеланием начальства продвигать выходца с русской службы в ряды армейского руководства.

Встреча польской делегации с председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым. Третий слева — посол С. Кот, крайний справа — генерал Р. Воликовский, рядом с ним генерал З. Богуш-Шистко. 1941–1942 гг.

Как известно, бывшие офицеры русской армии в армии II Речи Посполитой редко бывали в фаворе. Не стал исключением и Воликовский, самой высокой должностью для которого стал в суровом 1920 году пост начальника штаба армии. После войны столь высоких назначений он уже не получал. Думается, вовсе не случайно генеральского звания ему пришлось ждать более шестнадцати лет, причём генералом он стал после падения межвоенной державы, в ещё один кризисный для Польши период.

В сентябре 1939 года он получил назначение на пост начальника этапов армии «Познань». После разгрома Польши Воликовский смог уехать во Францию через Румынию. В октябре 1939 — январе 1940 года он исполнял обязанности командира 1-го учебного полка в Коэткидан. В период с января по июнь 1940 года служил там же комендантом Центра школ пехоты. Затем в связи с оккупацией Франции немцами пришлось уехать в Великобританию. В октябре 1940 — августе 1941 года Воликовский был заместителем начальника 3-й кадровой стрелковой бригады в составе I польского

корпуса и находился в Шотландии. 1 сентября 1941-го Воликовский получил звание бригадного генерала, а с августа 1941 года вновь стал польским военным атташе в СССР, на этот раз представляя польское правительство в изгнании, позднее он возглавил польскую военную миссию в СССР.

Воликовский вёл розыск депортированных в 1939 году поляков и пытался мобилизовать их на польскую военную службу, встречался с высшими советскими государственными деятелями, в частности с М. И. Калининым. Однако, по всей видимости, как и в первый период своего пребывания в должности атташе, Воликовский продолжал разведывательную деятельность и создавал агентурную сеть. Неудивительно, что в сентябре 1942 года он был выслан из СССР по обвинению в шпионаже и уехал на Ближний Восток³⁶. В сентябре 1942 — апреле 1944 года Воликовский занимал должность комен-

данта офицерских курсов при командовании на Среднем Востоке, а затем — в польской армии на востоке. В период освобождения Польши и позднее (с апреля 1944 по 1946 год) состоял в распоряжении министерства национальной обороны эмигрантского правительства, а затем — начальника польского Генштаба в Лондоне. После войны Воликовский демобилизовался и из Великобритании уехал в Канаду, где провёл остаток жизни. В 1981 году получил почётное звание доктора honoris causa Университета Альберта в Эдмонтоне. Скончался там же.

Воликовский был награждён польским военным орденом «Виртути Милитари», Крестом независимости, орденом Возрождения Польши (Polonia Restituta) 4-го класса, Крестом храбрых и золотым Крестом Заслуг.

Наш герой прожил долгую и насыщенную жизнь, участвовал в двух мировых войнах, российской Гражданской войне и советско-польской войне, сумел достойно послужить России и Польше. Его судьба во многом характерна для русских офицеров польского происхождения, вынужденных сделать свой выбор в 1917 году. Останься он в России, едва ли ему удалось избежать репрессий. Однако и выбор в пользу независимой Польши не дал спокойной жизни. В то же время Воликовскому повезло: он не только уцелел в годы Второй мировой войны, но и сделал в военное время неплохую карьеру. Наиболее активная деятельность Воликовского была связана с польской военной службой, но и на русской службе он проявил себя с лучшей стороны. И на польской службе Воликовский не забывал о России, служебный долг дважды направлял его туда, где прошла его молодость и где он сделал первые шаги своей военной карьеры. Наконец, именно поляк Ромуальд Воликовский оказался последним генштабистом и последним георгиевским кавалером русской армии. О таких людях, в биографиях которых переплелась сложная, героическая и трагическая история наших стран, нужно помнить.

Примечания

1. Ганин А. Генштаб изгнанный: грани статистики//Родина. 2009. № 4. С. 51.
2. Kryzyska-Karski T., Żurkowski S. *Generałowie Polski niepodległej*. Warszawa. 1991. S. 184.
3. Служба Воликовского до революции реконструируется прежде всего на основании его послужного списка//РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 163322. П/с 117-866. Л. 119–126 об.
4. Русский инвалид. 1914. 5 ноября. Сведения любезно предоставлены А. А. Вершининым, готовящим к печати историю 71-го пехотного Белёвского полка.
5. РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467. Л. 74 об.–75 об.
6. Там же. Л. 76–77.
7. Приказ IX армии. 1915. № 374. 31.07.
8. РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467. Л. 74.
9. Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1107. Л. 324.
10. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 об.
11. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 468.
12. Довбор-Мусницкий Иосиф Романович (25.10.1867–26.10.1937) — Генерального штаба генерал-лейтенант, командир I Польского стрелкового корпуса

(23.08.1917–22.05.1918). В 1919–1920 годах в польской армии.
13. Осинский Александр Антонович (14.02.1870–10.02.1956) — генерал-майор, один из руководителей организации польских войск в России, член военной комиссии Верховного польского военного комитета (Начпольш), глава организационной комиссии по делам польских военных формирований при российском Генеральном штабе (с 07.1917), в апреле-мае 1918 года руководил польскими войсками на Украине.
14. Ясинский Альбин-Мариан Мартынович (17.02.1880–1940) — полковник, член союза военных поляков, командир 9-го стрелкового полка I Польского стрелкового корпуса (12.1917–06.1918). Кавалер Георгиевского оружия (1917).
15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.
16. Вецкий Станислав Иванович (16.01.1890–?) — штабс-капитан. Выпускник ускоренных курсов академии Генерального штаба. Со 02.04.1918 — в РККА, позднее — в польской армии.
17. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 131.
18. Там же. Л. 134.

19. Там же. Л. 136.
20. Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 116 об.
21. Dyboski R. *Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921). Przypadki i wrazenia*. Warszawa. 2007. S. 19.
22. Bagiński H. *Wojsko polskie na Wschodzie. 1914–1920*. Warszawa. 1921. S. 431, 543; Radziwiłowicz D. *Walki 5. dywizji strzelców polskich z partyzantką bolszewicką w obronie syberyjskiej magistrali kolejowej w 1919 roku*//Zeszyty Naukowe Akademii obrony narodowej. Warszawa. 2007. № 3 (68). S. 299.
23. Висьневский Я. *Войско Польское в Сибири во время революции и гражданской войны в России*//Революционная Россия 1917 года и польский вопрос. М. 2009. С. 226.
24. Документ опубликован: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Т. 2. Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г. М. 1964. С. 73–77.
25. Висьневский Я. *Указ. соч.* С. 228.
26. *Документы и материалы*. Т. 2. С. 75.
27. Там же. С. 76.
28. Нея Я. *Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири*//

Сибирь в истории и культуре польского народа. М. 2002. С. 295.
29. Центральный военный архив Польши (Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Wąlgóry, CAW). *Kol. gen. 1769/89/5697. Wołkowski R. A. 7; Bagiński H. Op. cit. S. 567.*
30. Wrzosek M. *Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921*. Warszawa. 1992. S. 305.
31. *Цит. по: Вышелецкий Л.* Варшава 1920. М. 2004. С. 137.
32. Там же. С. 159.
33. *Stawicki P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej*. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1997. S. 29.
34. *Misiuk A. Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939*. Warszawa. 1994. S. 64; *Kmiecik T. Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939*. Słupsk. 2005. S. 108.
35. CAW. I.340.1.231; *Stawicki P. Op. cit. S. 245.*
36. *Kosk H. P. Generalicja polska*. Т. 2. Pruszków. 2001. S. 258; *Климковский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. М. 1964. С. 243.